

MARIA ALEKSEYEVA / МАРИЯ Л. АЛЕКСЕЕВА

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6416-0618>

Ural State Pedagogical University Yekaterinburg

ANNA V. PAVLOVA / АННА В. ПАВЛОВА

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4843-5778>

Johannes Gutenberg-Universität Mainz

НЕПЕРЕВОДИМОСТЬ ТЕКСТА И БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ СЛОВ

The untranslatability of a text and the non-equivalence of words

Ключевые слова: теория перевода, непереводимость, единицы непереводимости, безэквивалентность, безэквивалентная лексика

KEYWORDS: translation theory, untranslatability, untranslatable units, non-equivalence, non-equivalent vocabulary

ABSTRACT: This article deals with the current state of development of two main categories of modern translation theory: “untranslatability” and “non-equivalence”. Untranslatability belongs to translation-theoretic universals and is a binary category. The essence of the phenomenon, its nature, as well as such concepts as “translation losses”, “untranslatable units”, “translatological classification of text types” are considered. The differences in the meaning of the concepts “untranslatability” and “non-equivalence” are described. The article objective is to show actuality and peculiarity of their manifestation in the context of the Russian and German languages.

1. Введение

Проблематика переводимости/непереводимости связана с парадоксами. Первый заключается в том, что всё, что понято, фактически уже переведено на «внутренний» язык – тот, которым человек мыслит: „Alles, was gemeint werden kann, kann in jeder Sprache ausgedrückt werden“ [«Все, что можно помыслить, можно и перевести на любой язык»] (Koller 1983, 152). И в то же время далеко не всё, что есть в мыслях, можно выразить так, чтобы и другие люди легко и быстро это поняли. Некоторые понятия, представления, образы невозможно передать для других настолько кратко и ясно, чтобы соответствующая формулировка могла считаться переводом в традиционном смысле этого слова.

Второй парадокс состоит в том, что нередко значимым является не план содержания, а план выражения – например, в стихах, в игре слов, в неожиданных

метафорах, в неологизмах. А форма (даже если она понята именно содержательно, как задумал автор) в разных языках разная, и тут уже неизбежно возникает проблема под названием «непереводимость». В тех сферах, где форма исключительно важна, о переводе можно говорить лишь условно: обычно переводчик подбирает совсем иные по семантике слова и конструкции ради сохранения эффекта от построенных на форме риторических приемов, а порой ему приходится и вовсе отказаться от идеи перевода тех или иных фрагментов текста, где форма в дихотомии «форма – содержание» оказывается ведущей.

Различные аспекты непереводимости являются предметом многочисленных исследований не только в переводоведении, но и в философии (см. обзор в: Косыхин 2006), литературоведении (Топер 2000; Иванов 2006, 561-562), психонейролингвистике (Дашинимаева 2010; Желуденко/Сабитова 2020), контрастивной лингвистике (Coseriu 1981; Добровольский 2013, 307-310), лексикографии (Апресян 2006; Ривелис 2007) и лингвокультурологии (Шаклеин 2012; Фефелов 2016).

В рамках данной статьи нет возможности останавливаться на теориях и подходах к этому вопросу на протяжении всей истории перевода (подробнее см.: Алексеева 2015а). Мы ограничимся освещением современного состояния разработки проблемы «непереводимости», коснемся одного из ее аспектов – «безэквивалентности» и опишем различия в значении этих понятий, иллюстрируя их примерами из русского и немецкого языков.

2. Проблематика переводимости/непереводимости в современном переводоведении

Понятие «перевод» может трактоваться очень по-разному. Переводоведам известно высказывание Р. Якобсона:

[...] Когнитивный уровень языка не только допускает, но и прямо требует перекодирующей интерпретации, то есть перевода. Предполагать, что когнитивный материал невозможно выразить и невозможно перевести – значит впасть в противоречие (1985, 365).

Якобсон исходит из трех типов перевода: перевод бывает внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотический (там же, 362). Понять что-либо – уже значит перевести понятое синонимом – либо вербально, на собственном языке, либо (вербально же) на другом, иностранном языке, либо невербально – на языке неязыковых или несобственно языковых символов. Аналогичную мысль высказывает «отец» российской психолингвистики А. А. Леонтьев:

Понимание текста – это процесс перевода смысла этого текста в любую другую форму его закрепления. Это может быть процесс парафразы, пересказа той же мысли другими словами. Это может быть процесс перевода на другой язык. Это может быть процесс смысловой компрессии. [...] Или процесс построения образа предмета или ситуации [...] (1997, 95).

Однако чаще термин *перевод* трактуется в узком смысле, а именно – как вторая из перечисленных Леонтьевым операций. При этом термин обозначает и процесс, и результат переводческой деятельности (переводной текст). Переводческая деятельность – это

деятельность, которая заключается в вариативном перевыражении, перекодировании текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке, осуществляемая переводчиком, который творчески выбирает вариант в зависимости от вариативных ресурсов языка, вида перевода, задач перевода, типа текста и под воздействием собственной индивидуальности (Алексеева 2004, 7).

Объемное развернутое определение отражает сложность феномена. Исследователи продолжают сталкиваться с трудностями в познании сущности и границ перевода, однако неизбежность потерь в процессе переводческой деятельности сегодня может рассматриваться как общепризнанное явление.

Мы разделяем точку зрения на перевод как на процесс, призванный «воспроизвести максимум коммуникативно релевантной информации» (Бузаджи 2011, 54), где под «коммуникативной» понимается любая информация, существенная для адресата (в том числе, например, эстетическая).

Перевод оппозиционен по своей сути: в него вовлекаются два текста, два языка, две культуры – отправителя (автора) и получателей (адресатов, реципиентов). Понятие переводимость затрагивает поэтому не только чисто языковые средства (языковые соответствия), но и культурные коды, принятые в обществе отправителя и реципиентов стереотипы, фоновые знания, ожидания реципиентов, жанровые стандарты и некоторые другие прагматические аспекты.

Переводимость относится к теоретико-переводческим универсалиям (Алексеева 2004, 128) и означает потенциальную возможность передачи любого текста и каждого его фрагмента на любой естественный язык. И в то же время все тексты в различной степени непереводимы (Lewis 2004, 296): идеальный перевод, исключающий какие-либо потери или отступления по сравнению с оригиналом, недостижим (Pedro 1999, 556; Бузаджи 2008, 43). Степень непереводимости зависит от множества факторов: жанра, темы, особенностей стиля, предполагаемых переводчиком знаний и интересов будущих реципиентов и др. Непереводимость проявляется в неизбежности переводческих потерь или отступлений от оригинала практически на всех

этапах перевода, а также при восприятии переводного текста со стороны реципиента с другим ментальным лексиконом, т. е. лексиконом, в котором многие понятия имеют отчасти иные по сравнению с исходной культурой семантические поля (фреймы, скрипты) (Дашинимаева 2010, 105).

Поскольку не всё, что есть в исходном тексте, может быть воспроизведено в переводе, переводчику ещё на стадии предпереводческого анализа текста имеет смысл произвести оценку потенциальных потерь (Pedro 1999, 557). Их трактуют как утраты в тексте перевода определенных черт, присутствующих исходному тексту (Nozizwe/Ncube 2014, 676). Переводческие потери являются актуальным предметом изучения в современных исследованиях (Бузаджи 2008; Дашинимаева 2011; Al-Masri 2009; Armstrong 2005; As-Safi 2011; Bassnett 2005; Gandin 2009; Hervey/Higgins/Loughridge 2005; Hoi-Kwan 2008; Nozizwe/Ncube 2014; Pazireh/Shafiq 2006; Shojaie/Shokrollahi/Raeeszadeh 2014; Reinart 2014; West-Pavlov 2006; Zequan 2003). Исследователи проводят аналогию переводческих потерь с потерей энергии: инженер осознает, что потери энергии неизбежны, и его цель состоит в том, чтобы минимизировать их; так и в переводе: задача переводчика – снизить потери (Hervey/Higgins/Loughridge 2005, 13).

На всех этапах перевода (Дашинимаева 2010, 105), на всех уровнях языка (As-Safi 2011, 67), при передаче любых аспектов исходного текста (Pazireh/Shojaie/Shokrollahi et al. 2014, 31) и любых типов текстов (Алексеева 2004, 262), а также при ожидаемой рецепции текста перевода читателями с другим ментальным лексиконом и другой культурной средой (Дашинимаева 2010, 105) возникают трудности перевода, которые не удастся в полной мере компенсировать. Это объективные трудности, которые не связаны с компетентностью переводчика. Непереводимое рассматривается как трудность перевода, которая вызывает повторное обращение переводчика к определенным фрагментам исходного текста в поиске более адекватных решений во избежание потерь (Автономова 2008; 2010; Маяцкий, 2011; Смирнов, 2009; Avtonomova, 2013; Kassen, 2004).

Нам представляется, что для дальнейшего развития теории перевода необходимо осмыслить отдельные составляющие этого феномена и создать их полную классификацию. Теоретикам перевода еще предстоит сформулировать определение понятия «единица непереводимости» (Cassin 2004, 8) или «компонент непереводимости» (И. С. Алексеева 2008, 67). По нашему мнению, это минимальные фрагменты исходного текста, вызывающие объективные трудности перевода, которые не удастся компенсировать в полной мере в рамках переводного текста (ПТ), что вызывает существенные потери со стороны содержания, стиля или формы и ведет к неполноте передачи исходного текста. На основании их наличия/отсутствия в исходном тексте

определяется степень его непереводимости. Компоненты непереводимости находятся в прямой зависимости от конкретной пары языков.

Несмотря на слабую теоретическую базу в области их определения, типизации и распознавания, компоненты непереводимости опытным практикующим переводчикам интуитивно известны и отчасти уже описаны в литературе: например, реалии и некоторые другие случаи непереводимости в области лексики и фразеологии (Влахов/Флорин 1980); классификация лакун и причин их возникновения (Павлова 2013, 206-207); некоторые типы непереводимых явлений (Павлова/Светозарова 2012; Бузаджи/Ковальчук 2016). В основном освещаются лексические компоненты. Наличие непереводимого наиболее заметно на уровне простых языковых знаков (слов и связанных словосочетаний), что отмечают и теоретики перевода (Иванов 2006, 79; Добровольский 2009, 3; Алексеева 2010, 5). Однако немалую сложность для перевода представляют и грамматические конструкции, аналог которых отсутствует в языке перевода.

Новым этапом разработки исследуемой проблемы стало создание транслатологической классификации типов текстов (Алексеева 2008), где учитывается степень переводимости/непереводимости текстов на основе наличия, сочетания и концентрации в исходном тексте «компонентов непереводимости». Импульсом для оживления дискуссии по проблеме стали монографии «Неисчерпаемость оригинала» (Чайковский 2008), «Дискуссия о непереводимости сквозь призму истории перевода» (Алексеева 2015а). Психонейролингвистическая концепция непереводимости с опорой на теорию значимости П. П. Дашинимаевой пока не нашла отклика в переводческом сообществе, но способна оказать влияние на ход научной дискуссии и изучение феномена перевода в будущем (Дашинимаева 2010), как и монография американского литературоведа Э. Эптер (Apter 2013).

В работе М. Г. Новиковой вводится понятие «меры смысла», которое должно лежать в основе адекватного перевода и служить критерием оценки его качества:

Минимальное количество элементов высказывания (предложения), необходимое и достаточное для его полного понимания. Мера смысла «ранжирует элементы предложения по значимости, выявляя доминантные значения и опуская элементы, значения которых легко восполняемы контекстом» (2014, 127).

Следует отметить, что понятие «мера смысла» родственно понятию «коммуникативно релевантная информация», которым оперирует Бузаджи, и всецело зависит от конкретного текста – его жанра, стиля, функции, авторской интенции. Потери в переводе не должны затрагивать «меру смысла», иначе такой перевод должен быть признан некачественным.

Нередко, как уже сказано, в «меру смысла», или в «коммуникативно релевантную информацию», входит форма, о чем еще в 60-е годы XX в. писал Роман Jakobson в своей знаменитой статье «Лингвистика и поэтика», выделяя особую «поэтическую» функцию языка (см. Jakobson 1981). Например, в «Одесских рассказах» Исаака Бабеля грамматически и лексически ненормативная речь его героев, – обязательная составляющая «меры смысла». Фразу

- (1) Слушайте, король – сказал молодой человек, – я имею вам сказать пару слов (рассказ «Король»)

нельзя переводить на немецкий грамматическим аналогом

- (2) „Hören Sie, König“, sagte der junge Mann, „ich habe Ihnen ein paar Worte zu sagen“

как это делает переводчик Димитри Умански¹, так как в немецком конструкция *haben + zu + Infinitiv* грамматически нормативна и в таком переводе полностью теряется стиль писателя, который является доминантой его текстов. Подобные потери в переводе превращают его в текст, по сути уже не являющийся переводом, так как он не передает коммуникативно релевантную информацию. А в новейшем переводе того же рассказа переводчице Беттине Кайбах² удастся передать эту важнейшую информацию:

- (3) „Hören Sie, König“, sagte der junge Mann, „ich hab Ihnen zu sagen ein paar Wörtchen“.

Переводчица компенсирует потери от невозможности передать грамматическую неправильность оригинала разговорной формой глагола *hab* (вместо *habe*) и ненормативным порядком слов.

3. Непереводимость текста и безэквивалентность слов

Переводческая деятельность направлена на текст, и проблематика переводимости непосредственно сопряжена с текстом и дискурсом. В текстах слова часто имеют совсем иные значения, чем те, что фиксируются на уровне языка и отражаются словарями. Однако уровень языка – лексикон, грамматика – тесно переплетается с текстовым уровнем, так что в теории перевода неизбежно возникла потребность в освещении и систематизации безэквивалентной лексики.

¹ Die Geschichten des Isaak Babel (1961), Übersetzt von Dm. Umanski. München: Goldmann.

² Isaak Babel (2014), Mein Taubenschlag: Sämtliche Erzählungen. Üb. Von Bettina Kaibach. München: Carl Hanser.

Межъязыковая лексическая безэквивалентность характеризует межъязыковые отношения с точки зрения существования в исходном языке целого пласта лексем, которые не имеют естественных (а не созданных с помощью различных переводческих приемов) однословных эквивалентов в системе языка перевода.

Традиционные двуязычные словари нередко довольно прямолинейно обходятся с поиском эквивалентов, игнорируя дискурс и внеязыковую реальность. В противном случае лексикографически было бы зафиксировано, что одно слово может иметь несколько семантически родственных эквивалентов в зависимости от конкретных условий его употребления, причем ситуации «распадения» эквивалентов на семантически родственные, но не идентичные пары устойчиво повторяются и весьма частотны. Например, немецкое слово *Käse* иногда переводится на русский как *сыр*, а иногда как *творог*. Оба эти слова являются полноправными эквивалентами слова *Käse*, а не только одно существительное *сыр*, как это утверждается в двуязычных словарях. Аналогичная ситуация наблюдается для прилагательного *warm*, которое иногда должно переводиться в текстах как *теплый*, а иногда как *горячий*. Наличие в двуязычных словарях только одного эквивалента *теплый* не соответствует потребностям перевода и не может быть признано правомерным. В то же время такое сужение переводческих возможностей в лексикографии ведет к тому, что немало людей полагает, что *горячий* как перевод для *warm* (в словосочетаниях *горячее блюдо*, *горячий суп*, *горячая вода*) – это отступление от эквивалентности и «переводческая потеря». Ответственность за подобные искажения представлений об эквивалентности лежит в первую очередь на традициях двуязычной лексикографии.

Безэквивалентность некоторых лексем на уровне языковой системы может вести к частичной потере смысла высказываний при их переводе. Несмотря на то, что «понять – значит перевести», перевод, оформленный «вовне», для других, в виде продуманного и отредактированного текста, обычно значительно отличается от перевода внутреннего, для себя. Внутренний перевод, т. е. перифразирование, может быть сколь угодно длинным. Например, мы знаем, что немецкий глагол *gönnen* означает нечто вроде: ‚в ситуации, когда кому-либо предстоит нечто приятное, сознавать, что этот человек заслужил это приятное, и порадоваться за него‘. И «для себя» фразу типа

(4) *Ich gönne Dir von Herzen die Rückkehr in Dein Amt als Präsident (Osnabrücker Zeitung)*

мы этот глагол примерно таким образом и истолкуем. Будучи сформулирована «для себя», когнитивная трактовка данной фразы – это еще далеко не перевод для других, т. е. не перевод в общепринятом (узком) смысле этого

слова. В переводе для других такое многословное описание смысла слова, как приведено выше, неприемлемо. Перевод, который осуществляется для аудитории, должен быть ясно и по возможности наиболее кратким образом сформулированным текстом, иначе никто не сможет его понять. Поэтому при переводе в общепринятом смысле этого слова мы сформулируем эту фразу, вероятно, так:

(5) Я от души рад, что ты вернешься в президентское кресло.

При этом часть смысла, вкладываемого в глагол *gönnen*, окажется потеряна – так, утрачена сема ‚считать, что кто-л. что-л. заслужил‘. В то же время такой перевод отчасти компенсирует потерю приобретением дополнительной по сравнению с оригиналом образности благодаря идиоме *президентское кресло*, эквивалент для которой отсутствует в оригинале³.

Зная, что глагол *gönnen* в русском безэквивалентен, мы считаем приведенный перевод примера с этим глаголом адекватным, а текстовый отрывок, включающий этот глагол, не представляется нам непереводаемым: перевод обнаруживает потерю части смысла, но потерю для основного содержания малосущественную. Важнее сохранить стиль, интенцию соответствующего речевого акта, т.е. коммуникативную функцию текста, его коммуникативно релевантную информацию.

Рассуждения о непереводаемости на уровне языковой системы (на уровне понятий, концептов, фреймов) обычно не имеют прямого отношения к практике перевода. Проблемность такого подхода сформулировал немецкий лингвист и переводовед Йорн Альбрехт:

Es handelt sich um ein für Linguisten unerfreuliches Gebiet, auf dem jeder Stamm-tischphilologe glaubt, unbekümmert dilettieren zu dürfen. Es gibt eine Reihe von deutschen <...> Kandidaten, die in diesem Zusammenhang immer wieder zitiert werden: Heimat, Stimmung, Erlebnis, Gemütlichkeit, Schadenfreude, Heimweh, eigentlich usw. Die völkerpsychologische Deutung solcher Wörter ist außerordentlich beliebt. <...> So wurde z.B. von einem Engländer geäußert, die ganze Niedertracht der deutschen Nation zeige sich schon im Wort Schadenfreude. Angehörige anderer Nationen hätten große Mühe, dieses Wort überhaupt nur annähernd zu verstehen, da sie ein derartiges Gefühl nicht kennen. <...> Was nun die „Unübersetzbarkeit“ dieser Wörter betrifft, so sollte man sich darauf einigen, das gemeinte Phänomen technischer und präziser auszudrücken; etwa durch „nur selten durch ein Wort wiederzugeben“.

³ Вообще компенсация – регулярно применяемый профессиональными переводчиками прием: если какой-то оттенок смысла (например, определенную коннотацию) в одном месте фразы передать не представляется возможным, соответствующая коннотация или общестилевая направленность сохраняется благодаря каким-то находкам переводчика в другой части той же фразы или в следующей непосредственно за данной.

<...> Wenn man unter einem "übersetzbaren" Wort ein Lexem verstehen will, das in allen Kontexten unbeschränkt austauschbar ist, so sind alle Wörter "unübersetzbar" (Albrecht 2005, 132)⁴.

Еще менее комплементарен относительно рассуждений о непереводимости некоторых лексем Д. М. Бузаджи:

У любителей признать «поп-переводоведением» эта тема неизменно в фаворе. Рецепт прост: берется слово иностранного или родного языка (лучше редкое, еще лучше – с культурными ассоциациями, совсем хорошо – из арсенала какого-нибудь литератора), прочитывается лекция о его многочисленных значениях (нюансах употребления, упоминаниях в письмах литератора к своей бабушке) и с небрежно-усталой усмешкой резюмируется: «Непереводимо» (Бузаджи 2011, 45).

Тем не менее, опрометчиво было бы утверждать, что проблематика безэквивалентности или неполной эквивалентности на уровне словарных значений и стоящих за словами понятий и фреймов для переводчиков нерелевантна: часто в переводческой практике приходится долго обдумывать и подыскивать оптимальные решения для передачи слов, не имеющих однословных эквивалентов или имеющих частичные эквиваленты, чья частичность обусловлена расхождениями в тех или иных участках семантических фреймов, активизируемых в сознании носителя языка экспонентом языкового знака. Но не менее, а иногда и более напряженным бывает и поиск переводческих вариантов для слов, у которых на уровне языковой системы имеются реальные, полные эквиваленты (см. табл. 1).

В настоящее время разрабатываются общие и специальные словари и справочники безэквивалентной лексики в печатном, электронном и интернет форматах. Существенный вклад в разработку проблемы внесли общие и специальные словари и справочники непереводимого: «Европейский словарь философий: Лексикон непереводимостей», разработанный коллективом из 150 европейских ученых под руководством Барбары Кассен (Cassin 2004),

⁴ В русском переводе: «Речь идет о безотрадной для лингвистов области, в которой каждый дилетант полагает, что может поучаствовать в дискуссии. В немецком языке имеется ряд кандидатов, которые в этой связи без конца цитируются. Это слова Heimat (‘родина’), Stimmung (‘настроение’), Erlebnis (‘событие’, ‘переживание’, ‘случай’), Gemütlichkeit (‘уют’, ‘неспешность’), Schadenfreude (‘злорадство’), Heimweh (‘ностальгия’), eigentlich (‘собственно говоря’) и некоторые другие. Толкование подобных слов в духе их национальной исконности и потому непереводимости исключительно популярно. Так, один англичанин утверждал, что все немецкое коварство уже явственно проступает в немецком слове „Schadenfreude“ (‘злорадство’). Представители других наций якобы испытывают немалые трудности, пытаясь перевести это слово на свой родной язык. Вполне возможно, что некоторые из приведенных примеров невозможно перевести на какой-то конкретный язык однословно. Но если трактовать переводимость как возможность неограниченной замены каждого слова каким-то одним конкретным словом в любом контексте, то придется признать, что все слова непереводимы».

справочники, посвященные сравнениям языковых пар (Gladrow 1998; Павлова/Светозарова 2012; Найдич/Павлова 2015), Русско-немецкий словарь безэквивалентной лексики в 2 томах (Алексеева 2015 б), Диахронические переводные словари и справочники реалий (Алексеева 2007; 2008; 2016), Немецко-русский и русско-немецкий словарь трудностей перевода (Павлова 2019).

4. Частичная эквивалентность на уровне лексикона

Даже при наличии эквивалентов понятийный объем «плана содержания» (фрейм) в сравниваемых языках часто не совпадает. Формально эквивалентные по концептуальному (денотативному) значению языковые знаки способны вызывать у носителей сравниваемых языков различные ассоциации, связываться с разными представлениями о возможных «сценариях», ассоциироваться с разными мнениями о частотности или о сферах (ситуациях) употребления.

Особенно значительные расхождения между семантическими фреймами наблюдаются для слов, ассоциирующихся с культурными стереотипами и культурно-историческими эпохами (*буржуазный* – *bürgerlich*, *народ* – *Volk*, *крестьянин* – *Bauer*), или для лексических единиц, имеющих ёмкую семантику с нечётко и расплывчато формулируемыми семами (*свобода, воля* – *Freiheit*, *тоска* – *Sehnsucht*, *Trauer*, *Wehmut*, *Gram*). Эти и подобные им языковые знаки с трудом можно описать с помощью вербализации фрейма даже «для себя», на родном языке – столь ёмки и одновременно аморфны их понятийные содержания. Межязыковая эквивалентность для подобных слов на уровне языковой системы весьма условна, но в той же мере условно и их употребление в родном языке: эмоции, обозначаемые словом *тоска* или словом *Gram*, сложно описать словами, и эти эмоции у разных людей или у одного человека в разное время могут заметно варьироваться по силе и набору психических признаков.

Частичными нужно признать и эквиваленты для слов, которые в сопоставляемых языках имеют отчасти несовпадающие сферы сочетаемости. Например, чисто формально немецкое слово *grotesk* и русское *гротескный* – эквиваленты (такowymi они значатся в двуязычных словарях). Однако сфера их употребления в русском и в немецком языках совпадает лишь частично: например, в немецком дискурсе о любой странной ситуации можно сказать *Das ist grotesk*, а в русском дискурсе **Это гротескно* в подобных случаях не говорят. Если рассматривать знания о сферах употребления лексической единицы как часть фрейма, то подобные пары нужно признать частичными эквивалентами уже на уровне лексикона.

Так же условна эквивалентность слов с различной частотностью употребления: казалось бы, два слова денотативно и даже коннотативно являются

эквивалентами друг друга, однако их частотность для носителя языка не совпадает – и уже только по этой причине их эквивалентность (по крайней мере, в глазах переводчика) становится частичной; например, слово *Gemeinde* в немецком дискурсе более популярно, чем его формальный (лексикографический) эквивалент *коммуна* или *община* в русских текстах; слово *деревня* в русском дискурсе частотнее, чем его соответствие *Dorf* в немецком. Даже если словари (кроме специальных частотных) не фиксируют частотность, представления об употребительности и распространенности слова в речи входят во фрейм и отражаются на категории межъязыковой эквивалентности.

5. Эквивалентность и переводимость

Как уже сказано выше, лексическую безэквивалентность или частичную эквивалентность не следует сбрасывать со счетов, рассуждая об особенностях переводческой деятельности. Однако не стоит и преувеличивать значимость отсутствия полных лексических эквивалентов в переводческой практике: безэквивалентные на уровне языковой системы слова и конструкции иногда довольно легко переводятся в тексте (прежде всего потому, что они обретают в текстах значения, отличные от «словарных»), в то время как лексемы и обороты, имеющие эквиваленты в языке, в речи (текстах) могут потребовать альтернативных переводов по сравнению с теми, которые предлагают даже самые подробные и полные двуязычные словари. В таблице 1 на немецко-русском материале приводятся категории случаев, когда переводчик отвергает словарные эквиваленты переводящего языка (ПЯ) и ищет другие способы перевода.

Таблица 1. Причины отступления от словарных эквивалентов при переводе

Причина отказа от эквивалента	Примеры
Диктат текстовых стилиевых норм	Например, требование избегать повторов может приводить к вынужденному отказу от эквивалентности. Так, предложение <i>Er stellt sich in die Schlange und wartet geduldig, bis er dran ist</i> (журнал «Der Spiegel») согласно требованиям эквивалентности следовало бы перевести как <i>Он встает в очередь и терпеливо ждет, когда подойдет его очередь</i> – но из-за назойливого повтора одного и того же слова <i>очередь</i> в рамках короткого текста переводчик, скорее всего, прибегнет к иному переводу, отказавшись от перевода эквивалентного, например: <i>Он встает в очередь и терпеливо ждет, когда его обслужат.</i>
Норма сочетаемости заставляет искать способы перевода, альтернативные эквивалентным	В словаре прилагательное или наречие <i>primitiv</i> переводится как <i>примитивный, примитивно</i> . А в предложении <i>Das Zimmer war primitiv eingerichtet</i> это же слово перевести согласно словарю нельзя; можно только: <i>Комната была просто обставлена.</i>

Причина отказа от эквивалента	Примеры
Грамматическая норма ПЯ диктует необходимость замены словарного эквивалента	<i>J-d wird rot durch Kälte</i> нельзя перевести в настоящем времени с помощью того же глагола <i>раскраснеться</i> (от мороза, на морозе), потому что у этого глагола нет формы настоящего времени. <i>Faust hungert nach Wissen und nach Selbstbestätigung</i> (журнал «Focus») переводится не с помощью эквивалента глагола <i>hungern</i> – <i>голодать</i> , а с помощью его заменителя – <i>жаждать</i> : <i>Фауст жаждет знаний и самоутверждения</i> . Но если перенести предикат в план прошедшего времени (а переводчик вправе это сделать), то открывается возможность более близкого к оригиналу перевода: <i>Фауст изголодался по знаниям и по самоутверждению</i> . В настоящем времени глагол <i>голодает</i> не годится, а в прошедшем – <i>изголодался</i> – подходит.
Необходимость сохранить грамматическую конструкцию оригинала вынуждает отказываться от имеющегося словарного эквивалента и искать другие способы перевода	<i>Nun war sie ruhig und getröstet</i> (E. Keyserling). Прилагательное <i>ruhig</i> и причастие <i>getröstet</i> по отдельности имеют эквиваленты, но в русском языке последние невозможно соединить связью однородных членов предложения: * <i>спокойна и утешена</i> ; * <i>спокойна и утешилась</i> . Приходится отбрасывать эквивалентные переводы и искать близкие по смыслу слова, которые позволили бы сохранить синтаксис оригинала: <i>Теперь она успокоилась и утешилась</i> ; <i>Теперь она была спокойна и безмятежна</i> .
Иногда требуется раскрыть (конкретизировать) мысль автора, если она выражена сжато или намеком. Переводчик имеет право решать, будет ли текст в таком виде понятен читателю, и менять его, если замена покажется яснее оригинала.	Название романа Ремарка «Im Westen nichts Neues» (дословно: <i>На Западе ничего нового</i>) переводчик заменил трактовкой: «На Западном фронте без перемен». Отказавшись от лексической эквивалентности, он выиграл в ясности.
Писатель – автор оригинального текста – употребляет нечастотные, необычные словосочетания (например, окказиональные метафоры). Окказиональную же метафору в переводе читатели могут расценить как признак плохого владения ПЯ.	Такой эквивалентный вариант словосочетания <i>замиевая походка</i> (В. Набоков), как <i>Wildlederschritte</i> или <i>Wildledergang</i> , не годится: непривычный композит могут расценить как признак недобросовестного перевода. Переводчик прибегает к варианту <i>wildledertweiche Schritte</i> – удачному, но все же более узуальному, чем в оригинале.
Узуальные ситуативные формулы обиходной речи часто требуют полной замены одной формулы другой.	Узуальный перевод вопроса <i>Ты подстриглась? – Warst du beim Friseur?</i> (а не <i>Hast du dir die Haare schneiden lassen?</i>). Фраза-формула <i>Я за рулём</i> переводится не как <i>Ich bin am Steuer</i> , а как <i>Ich muss fahren</i> .
Полисемия в ПЯ препятствует эквивалентному переводу в тексте: лексема в одном из языков многозначна и ее значения могут воздействовать друг на друга на текстовом уровне, мешая пониманию.	<i>Seine fantastische Hässlichkeit war immer sein politisches Kapital</i> (W. Biermann). Существительное <i>Hässlichkeit</i> , согласно двуязычным словарям, имеет эквивалент <i>безобразие</i> . Слово это многозначно. Перевести немецкое предложение при помощи этого существительного означало бы породить нежелательную двусмысленность.
Культурная маркированность тех или иных отрезков текста.	– <i>Sie sind bestimmt wegen dem Geld hier! – Wegen DES GeldES!</i> <i>bemerkte Paul Sand</i> (J. Siegmann) – этот диалог перевести на русский язык затруднительно, потому что он вращается вокруг специфической темы немецкой грамматики, где в обиходной речи часто вместо родительного падежа употребляют дательный; образованные люди стараются не допускать этого и иногда (как здесь) исправляют других. Для русского языка эта проблематика нерелевантна.

Причина отказа от эквивалента	Примеры
Слова, имеющие эквиваленты, вовлечены в языковую игру, которую невозможно перевести «дословно», так как будет утрачен игровой эффект	Примерами могут служить любые каламбуры. Например, в анекдоте, посвященном Н.С. Хрущеву: « <i>Дяденька, правду папа сказал, что вы запустили не только спутник, но и сельское хозяйство?</i> » – « <i>Передай своему папе, что я сажаю не только кукурузу!</i> »
Слова важны не сами по себе, а только из-за своей специфической формы – например, важна аллитерация, ритмика (число слогов и место ударения) и т.д. – т.е. язык выполняет свою поэтическую функцию (по Якобсону)	Например, у Пастернака: <i>Как невод, тонет небосвод, // И в это небо, точно в сети ...</i> – здесь аллитерация едва ли не важнее значения слов; если переводить такие фрагменты «пословно», то прелесть поэтического произведения разрушается.

Все факторы, влияющие на принятие переводческих решений, описать в одной статье невозможно. Важно понимать, что переводчик всегда работает с текстом, а не с лексикой или грамматикой, и «говорить о том, что смысл отдельных слов и даже клауз может быть понятен без учета многопозиционного дискурса, выраженного текстом, ошибочно» (Калиш 2018, 7). Перевод текста осуществляется с учетом множественных критериев – как лингвистических (норма, узус), так и прагматических: ориентация на интенцию автора, коммуникативно релевантную информацию, предполагаемые ожидания, знания, культурный фон и привычки реципиентов.

Библиография

- Автономова, Н. С. (2010), Интерпретация и перевод – современные проблемы эпистемологии. В: *Философия познания*. М., 112–122.
- Алексеева, И. С. (2004), Введение в переводоведение. Санкт-Петербург.
- Алексеева, И. С. (2008), Современное состояние теории перевода в России. В: *Вестник Санкт-Петербургского ун-та*. 9 (1), 26-39.
- Алексеева, М. Л. (2007), Русские реалии в разновременных немецких переводах романов Ф. М. Достоевского. *Словарь-справочник*. Екатеринбург.
- Алексеева, М. Л. (2008), Русские реалии в зеркале немецкого языка. *Электронный словарь-справочник*. Екатеринбург.
- Алексеева, М. Л. (2010), Перевод реалий и реалии перевода: особенности передачи русских реалий в разновременных немецких переводах романов Ф. М. Достоевского. Екатеринбург.
- Алексеева, М. Л. (2015а), Дискуссия о непереводимости сквозь призму истории перевода. Екатеринбург.
- Алексеева, М. Л. (2015б), Русско-немецкий словарь безэквивалентной лексики. Т. 1-2. Екатеринбург.
- Алексеева М. Л. (2016), Диахронический русско-немецкий словарь-справочник русских реалий. По материалам разновременных немецких переводов романов Ф. М. Достоевского.
- Апресян, Ю. Д. (ред.) (2006), *Языковая картина мира и системная лексикография*. М.: Языки славянских культур.
- Бузаджи, Д. М./Ковальчук, А. В. (2016), Сущность, причины и виды непереводимости. В: *Мосты*. 1 (49), 58-70.

- Бузаджи, Д. М. (2008), Векторы смысла. О функциональном подходе к переводу. В: Мосты. 3 (19), 43–59.
- Бузаджи, Д. М. (2011), К вопросу об определении понятия «перевод». В: Мосты. 2 (30), 44–55.
- Влахов, С./Флорин, С. (1980), Непереводимое в переводе. Москва.
- Дашинимаева, П. П. (2010), Теория значимости как основа психолингвистической концепции непереваемости [автореферат диссертации]. Иркутск.
- Дашинимаева, П. П. (2011), Теория значения как значимости: «осветим чертог теней»? В: Вестник ТвГУ. Филология. 4 (2), 21–28.
- Добровольский, Д. О. (2009), Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики. В: Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 383–401.
- Добровольский, Д. О. (2013), Беседы о немецком слове. Москва.
- Желуденко, М. О./Сабитова, А. П. (2020), Психоллингвистический аспект переводимости / непереваемости. В: Scientific Achievements of modern society. International Scientific and Practical Conference, Liverpool, 481–487.
- Иванов, А. О. (2006), Безэквивалентная лексика. Санкт-Петербург.
- Иванов, Вяч. Вс. (2004), Избранные труды по семиотике и истории культуры. 3. Москва.
- Калиш, Е. Е. (2018), Реконструкция дискурса в целях перевода. Иркутск.
- Косыхин, В. Г. (2006), Бытие в зеркале непереваемости. В: Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 6, 14–18.
- Леонтьев, А. А. (1997), Основы психолингвистики. Москва.
- Маяцкий, М. (2011), Непереваемости реальные и воображаемые. В: Логос. 5 (84), 13–21.
- Мишкурин, Э. Н. (2014), «Герменевтический поворот» в современной теории и методологии перевода. В: Вестник Московского университета. 22/3, 24–46.
- Найдич, Л. Э./Павлова, А. В. (2015), Трубочист или лорд? Теория и практика немецко-русского и русско-немецкого перевода. Москва.
- Новикова, М. Г. (2014), Мера смысла, актуальное членение и адекватность перевода. Москва.
- Павлова, А. В. (2019), Немецко-русский и русско-немецкий словарь трудностей перевода. В: www.woerterbuchnetz.de/DRWB [доступ 15 V 2019].
- Павлова, А. В. (ред.) (2013), От лингвистики к мифу. Лингвистическая культурология в поисках этнической ментальности. Санкт-Петербург.
- Павлова, А. В./Светозарова, Н. Д. (2012), Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода. Санкт-Петербург.
- Ривелис, Е. (2007), Как возможен двуязычный словарь. В: Stockholm Slavic Studies 36 [<https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:197701/FULLTEXT01.pdf>].
- Смирнов, А. В. (2009), Можно ли строго говорить о непереваемости? В: Перевод как проблема социальных и гуманитарных наук. Москва, 15–17.
- Топер, П. М. (2000), Перевод в системе сравнительного литературоведения. Москва.
- Фефелов, А. Ф. (2016), Вопрос о переводимости культур в современной теории межкультурного общения (проблемы методологии). В: Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 14/1, 63–85.
- Чайковский, Р. Р. (2008), Основы художественного перевода. Магадан.
- Шаклеин, В. М. (2012), Лингвокультурология: традиции и инновации. Москва.
- Якобсон, Р. (1985), Избранные работы. Москва.
- AL-MASRY, H. (2009), Translation and Cultural Equivalence: A Study of Translation Losses in Arabic Literary Texts. In: Journal of Language & Translation. 10, 7–14.
- ALBRECHT, J. (2005), Übersetzung und Linguistik. Tübingen.
- ARTER, E. (2013), Against World Literature: On the Politics of Untranslatability. New York.
- ARMSTRONG, N. (2005), Translation, Linguistics, Culture: A French-English Handbook. Toronto.

- AS-SAFI, A. B. (2011), *Translation Theories, Strategies and Basic Theoretical Issues*. Amman.
- AVTONOMOVA, N. (2013), *Übersetzen als universelle Praxis und als philosophisches Problem*. In: *Russische Übersetzungswissenschaft an der Schwelle zum 21. Jahrhundert*. Berlin, 103-113.
- BASSNETT, S. (2005), *Translation Studies*. London/New York.
- GANDIN, S. (2009), *What is Really Lost in Translation? Some Observations on the Importance and Ethics of Translation*. In: *Annals*. 6, 77-92.
- HERVEY, S./ HIGGINS, I./ LOUGHRIDGE, M. (2005), *Thinking German Translation: A Course in Translation Method*. New York.
- HOI-KWAN WO, K. (2008), *What gets lost in translation*. In: *Language and Culture in Honglougumeng*. 1, 53-63.
- CASSIN, B. (2004), *Vocabulaire européen des philosophies. Dictionnaire des intraduisibles*. Paris.
- COSERIU, E. (1981), *Kontrastive Linguistik und Übersetzung: ihr Verhältnis zueinander*. In: *Kontrastive Linguistik und Übersetzungswissenschaft*. München, 183-199.
- GLADROW, W. (Hg.) (1998), *Russisch im Spiegel des Deutschen. Eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich*. Berlin.
- JAKOBSON, R. (1981), *Selected Writings*. Vol. 3. The Hague.
- KOLLER, W. (1983), *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Stuttgart.
- LEWIS, T. J. (2004), *Untranslatable «You» in Chekhov's Lady with Lapdog*. In: *Babel*. 50 (4), 289-297.
- NOZIZWE, D./NCUBE, B. (2014), *Loss and Gain in Translation: A Case of Court Translation*. In: *African Journal of Scientific Research*. 12/1, 670-687.
- PAZIRESHM, A./SHOJAIE, F./SHOKROLLAHI, R. et al. (2014), *Aspects of Source Text Lost and Undergo Change Through Translation*. In: *International Journal of Language Learning and Applied Linguistics World*. 5 (3), 29-39.
- PEDRO, de R. (1999), *The Translatability of Texts: A Historical Overview*. In: *Meta*. 44 (4), 546-559.
- REINART, S. (2014), *Lost in Translation (Criticism)?* Berlin.
- WEST-PAVLOV, R. (2006), *The Folds of Translation in the new Europe*. In: *Translating Identity and the Identity of Translation*. Newcastle, 26-45.
- ZEQUAN, L. (2003), *Loss and Gain of Textual Meaning in Advertising Translation*. In: *Translation Journal*. 4. In: www.translationjournal.net/journal/26advert.htm [accessed 15 V 2019].

